

Глава 10: Отравление принца

—

На обратном пути Се Чжуй время от времени поглядывал на Сяо Шаня. Его лицо оставалось бесстрастным, но его запутанный, изучающий взгляд выдавал его.

Очевидно, он принял близко к сердцу то, что Сяо Шань зажег для себя вечную лампу, и был немного обеспокоен. Но из-за своего сдержанного характера он не знал, захочет ли Сяо Шань вспоминать о прошлом, поэтому колебался, стоит ли спрашивать, и как это сделать.

Они были неразлучными супругами, но в то же время оставались двумя относительно чужими людьми.

В очередной раз поймав взгляд Се Чжуй, Сяо Шань положил локоть на согнутое колено, подперев подбородок рукой: «Спрашивай, что хочешь, я отвечу на всё без утайки».

Се Чжуй слегка замер, затем его лицо стало более спокойным. Он не был слишком жеманным человеком. Раз Сяо Шань сам заговорил и выглядел так, будто ждал его вопроса, то ему не стоило больше колебаться.

Поэтому он прямо спросил: «Почему Ваше Высочество зажжёт вечную лампу для себя?» Такие вещи звучали не очень хорошо.

Сяо Шань моргнул своими прекрасными глазами, приняв задумчивый вид: «Дай-ка подумать. Кажется, это было, когда я был маленьким, лет шести-семи, наверное. Той зимой, когда я играл в Императорском саду, я упал в озеро. Хотя позже меня спасли второй брат и другие, у меня постоянно держалась высокая температура. Императорские врачи, лечившие меня, сказали, что бессильны и вынесли мне смертный приговор. К счастью, мой отец-император и мать-наложница не сдались и заставили всех врачей из Императорской академии лечить меня. Конечно, мне ещё и очень повезло, я так сильно горел четыре или пять дней, но выжил и мозг не повредился».

«Вероятно, пережив испытание жизнью и смертью, которое я сам не до конца понял, и чувствуя, что моя жизнь была спасена нелегко, я зажег вечную лампу в храме Аньтай для себя того года, думая, что вечная лампа означает долгую жизнь». Возможно, вспомнив прошлое, Сяо Шань опустил глаза и улыбнулся: «Тогда я был молод и неопытен, и не особо задумывался. Повзрослев, я просто оставил её так, как есть. Ведь раз уж зажжёт, и денег пожертвовал немало, то нехорошо было бы гасить её, словно ломая мост после перехода через реку».

Се Чжуй слушал это и долго запинался, прежде чем наконец сказать: «Князь великодушен, что непостижимо для обычных людей». И ещё: можно ли так использовать выражение «разрушить мост после перехода через реку»? Неужели он издевается над тем, что я мало читал?

Сяо Шань поднял бровь, выражая самодовольство: «Конечно, моё сердце всегда было великодушным и спокойным, никто другой не сможет сравниться, даже если у них будет два сердца».

Се Чжуй: «...» Он действительно мало читал и мало видел, и эти новые сравнения, которые приводил Сяо Шань, он слышал впервые. Он чувствовал себя виноватым перед всеми теми книгами и трактатами в доме семьи Се, которые он пролистал бесчисленное количество раз.

Сяо Шань, видя выражение лица Се Чжужа, улыбнулся и сам сменил тему: «Ты ведь тоже жил в столице, когда был маленьким. Ты заметил какие-либо изменения в столице?»

Се Чжуй серьёзно подумал и честно сказал: «Людей стало больше, а в остальном я не очень хорошо помню, поэтому не могу сравнить».

Он говорил правду, у него действительно не было глубоких впечатлений от столицы.

Они с Се Чэнем отправились на Северную границу с Се Суем примерно в семь лет. Северная граница была суровой, люди там были крепкими и постоянно шли войны. Вначале им было нелегко, но со временем они привыкли.

Для него процветание столицы было несравнимо с тем, чтобы вся семья была вместе.

Воспоминания о столице, хранившиеся в памяти, были также погребены под песками приграничных ветров.

Сяо Шань тихо хмыкнул. Если бы он говорил только со своим супругом, он мог бы мягко сказать: «Ничего страшного, у нас будет много времени, чтобы сравнить, как изменилась столица». Но по отношению к орлу, которому подрезали крылья, эти слова были невидимым, но острым, как бритва, ножом.

Се Чжуй был прежде всего генералом Северной границы, и лишь затем его супругом.

Се Чжуй видел гораздо более широкие просторы, чем внутренние дворы поместья. Он знал свободу, власть и уважение других, а теперь из-за своего статуса потерял всё это. Но он не жаловался на судьбу и даже постоянно старался приспособиться к жизни, найти свое место.

Сяо Шань не мог стать таким человеком, но это не означало, что ему не нравились такие люди.

Напротив, он глубоко восхищался такими людьми.

Поэтому он будет делать всё возможное, чтобы защитить Се Чжужа.

Так они болтали, перебрасываясь словами, и вскоре вернулись в поместье. Се Чжуй разрешил одно дело, и настроение Сяо Шаня тоже было хорошим.

Думая, что этот день пройдёт как обычно спокойно, он получил сообщение от наложницы Лань всего через час: Сяо Цзинь был отравлен и находился без сознания, а супруга Лю очень испугалась.

Услышав это, Сяо Шань изменился в лице. Он встал и сказал Се Чжуй: «Я сейчас отправляюсь во дворец, ты оставайся дома и никуда не ходи».

Се Чжуй встал с серьёзным выражением лица: «Тогда будь осторожен».

Отравление наследника престола было не мелочью, это могло повлечь за собой целую цепь событий, особенно с участием дворцовых наложниц и принцев.

Сяо Шань сказал: «Не волнуйся, всё будет хорошо».

Се Чжуй кивнул, глядя на поспешно удаляющуюся спину Сяо Шаня. Он вдруг вспомнил слова Сяо Шаня на обратном пути: что, когда он упал в воду, его спас наследный принц Сяо Цзинь.

Сяо Шаня люди называли безрассудным и озорным, но после нескольких дней общения Се Чжуй понял, что Сяо Шань не был глупым человеком. Из-за своего статуса он не любил терпеть обиды, поэтому не щадил никого на словах и любил говорить то, что другим не нравилось, но он никогда не вымещал свой гнев на невинных людях и не совершал ничего, что могло бы навредить небесам и причинить боль людям.

Такой человек, по крайней мере, чётко различал добро и зло, поэтому к наследному принцу Сяо Цзиню он относился искренне.

Ни до, ни после он никогда не называл Сяо Цзиня наследным принцем, потому что он относился к Сяо Цзиню как к старшему брату, всегда только как к старшему брату.

Се Чжуй также знал, что человеческие сердца непредсказуемы, особенно в императорской семье, и неудивительно было иметь несколько уловок. То, что он видел, не обязательно было правдой. Но интуитивно он верил, что Сяо Шань не имел злых намерений по отношению к наследному принцу Сяо Цзиню.

Сяо Шань не знал, о чем думает Се Чжуй. Взяв жетон, он направился прямо во Восточный дворец.

Из-за отравления Сяо Цзиня Императорская гвардия усилила патрулирование во всех местах, а Восточный дворец был окружен Императорской гвардией так плотно, что даже муха не могла пролететь.

Когда Сяо Шань прибыл, там уже были император Сяо Шэн, императрица, наложница Лань, наложница Сянь – мать пятого принца Сяо Сяня, а также среди младших – супруга Жуй, Гу Линлун.

Первый принц Сяо Жун, четвертый принц Сяо И и пятый принц Сяо Сянь прибыли на полчаса раньше него.

В такой ситуации принцы должны были бы оставаться в своих резиденциях и ждать новостей, но поскольку супруга Жуй находилась во Восточном дворце, Сяо Жун вынужден был прийти.

Он также боялся оказаться втянутым в эту неприятность. Войдя во дворец, он случайно встретил Сяо И, читающего стихи и рисующего в Императорском саду, и Сяо Сяня, наблюдающего за этим. Сяо Жун поспешно рассказал им о том, что Сяо Цзинь отравлен и без сознания, а затем, не дожидаясь их реакции, под предлогом того, что они с Сяо Цзинем хорошие братья, потащил их обоих во Восточный дворец навестить Сяо Цзиня.

Теперь, когда они стояли все вместе, он не казался таким неуместным.

В это время Сяо Шэн, императрица и наложница Сянь сидели на верхних местах, супруга Жуй Гу Линлун неловко стояла, а наложница Лань, стоя на коленях, рыдала без остановки, задыхаясь.

Глаза наложницы Лань распухли от слез, грудь сильно вздымалась, словно она вот-вот упадет в обморок.

Как только Сяо Шань вошёл, все взгляды устремились на него. Наложница Лань хотела сомкнуть губы и перестать плакать, но слёзы никак не могли остановиться, и она могла лишь всхлипывать.

Сяо Шань сначала преклонил колени, чтобы поприветствовать, затем, под двумя острыми взглядами, посмотрел на наложницу Лань: «Матушка-наложница, что случилось?»

Наложница Лань поперхнулась от слёз и задыхаясь произнесла: «Императорский лекарь... императорский лекарь сказал, что наследный принц... наследный принц отравился, съев... съев пирожные, которые я послала. Но... но я не подкладывала яд! Я каждый день сама готовила пирожные для Тайцзы Фэй и просила Цуй Шу отнести их. Никогда ничего не случилось, не знаю, как так вышло сегодня».

Сказав это, она шмыгнула носом, и со слезами на глазах, жалко посмотрела на императора Сяо Шэна и императрицу Гу Жуйя: «Я говорю правду, не сомневайтесь в этом».

Сяо Шань скривил губы, словно у него болели зубы, и на его лице появилось ругательство. Он подумал: «Твои слова уже сами тебя выдали, как же им верить? Если нет доказательств твоей

невиновности, что толку просто говорить, что это не я?»

Будь он на их месте, он бы тоже не поверил.

Кроме того, даже если бы это дело было расследовано до конца, всё равно не удалось бы снять с себя подозрения.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282502>